

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУФФИКСА -IAN АРМЯНСКИХ
ФАМИЛИЙ ИЗ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ЛУВИЙСКОГО*

ДЖОН ГРЕППИН (США)

Давно уже отмечалось, что в лексике древнеармянского языка имеются заимствования из анатолийских языков. Эти заимствования без серьезного обоснования относились к хеттскому¹, хотя Дьяконов считает более вероятным их лувийское происхождение². В отдельной статье, которая скоро выйдет в свет³, мы, вслед за Дьяконовым, пытаемся доказать их лувийское происхождение, отмечая в то же время, что эти заимствования более характерны для иероглифического, чем клинописного лувийского. Имеющиеся данные не полностью убедительны, хотя такие соответствия, как иер. лув. wašu- „хорошо“, арм. vas „браво, хорошо“; иер. лув. šuwaпа- „собака“, арм. šun с тем же значением; иер. лув. ašuwa-(*ešuwa-) „лошадь“, арм. eš „осел“ кажутся очень вероятными⁴, и они относятся скорее к иероглифическому, чем к клинописному

* Вопрос прародины индоевропейских народов тесно связан с историей племен, говоривших на анатолийских языках (хеттский, лувийский, палатский, а также армянский). Некоторые ученые (Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванов) предполагают, что ближе всего к прародине остались те народы, которые говорили на указанных языках. В этом аспекте определенный интерес представляет настоящая статья Джона Греппина, и поэтому редакция сочла целесообразным опубликовать ее под рубрикой проводимой дискуссии.

¹ Библиографию по материалам раннего периода можно найти в статье Дж. Грегпина, Hittite-z(a), Armenian z-, and the Theory of Armeno-Hittite Loan Words („The Journal of Indo-European Studies“, vol. 3, 1975, p. 87—94). С тех пор дополнительные материалы были опубликованы Н. Мкртчяном в статье „Редупликация глаголов в хеттском и армянском“ („Древний Восток“, 1976, № 2, с. 76—85); его же, Neue Hethitisch—Armenische Lexikalische Parallelen („Acta Antiqua“, vol. 22, 1974, p. 313—319); J. Greppin, A Note on Hitt. tarla („Revue hittite et asiatique“, далее RHA, № 33, 1975 [1977], p. 54—57); его же, Some Armeno-Hittite Loan Correspondences (в печати).

² И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне, Ереван, 1968.

³ Джон А. Греппин, Лувийские элементы в армянском („Древний Восток“, 1978, № 3).

⁴ Другие примеры: иер. лув. tuwarsa-«внуш», арм. .totr с тем же значением; клин. лув. arrapanī-«будущее», арм. arapn с тем же значением; иер. лув. turī-«бить», арм. tor'el с тем же значением; ср. также dor'el «топать ногами», упомянутый Г. Джаукяном в книге «Очерки дописьменного периода армянского языка», Ереван, 1967, с. 300.

лувийскому или хеттскому. Однако имеется много частных, которые не так определены⁵. Тем не менее, чаша весов скорее перетягивает в сторону иероглифического лувийского, и в данной статье мы будем придерживаться этой точки зрения.

Прежде чем перейти к обсуждению суффикса -iap⁶, необходимо отметить уникальность парадигмы армянского слова *tiw* «день». По крайней мере со времен Юбшмана⁷ об этом слове говорилось как о слове, прямо восходящем к индоевропейской основе и соотносимом с санскритским *div-*, как в слове *diva* «днем» и, может быть, лат. *diēs* «день», др.-ирл. *indiu* «сегодня», уэльс. *dyw* «день», хотя в отношении всех слов, кроме санскритского, этимологическая связь несколько приблизительно. Следует отметить, что в хеттском соответствии *siu-*, *siup(1)-* «бог» наблюдается обычное для хеттского чередование *T1- в *si* (= [zi?]). Действительно, армянское слово *tiw* подтверждает фонологическое правило, согласно которому это слово восходит к протоармянскому **diw-*.

Здесь нет этимологических сложностей. Вопрос касается главным образом формы *tuəpjeap*, род. п. слова *tiw*, так же, как и всей остальной парадигмы.

Засвидетельствованные формы
ед. ч.

Ожидаемые формы
ед. ч.

Род., дат., предл. *tuəpjeap*
Отлож. *tue* (или вторичное *tuəpjeəc*)
Тв. *tuəpjeamb* (по аналогии с род. п.)

*tui или *tueap
tuē или *tueñē
**tu(e)amb*

Засвидетельствованные формы
мн. ч.

Ожидаемые формы
мн. ч.

Им. *tiwk'*
Вин., предл. *tiws*
Род., дат., отложит. *tuəpjeapc'* (по аналогии с ед. ч.)
Тв. *tuəpjeambk'* (по аналогии с ед. ч.)

tiwk' или **tiwnk'*
tiws или *tiwns
**tu(e)apc'*
**tu(e)ambk'*

Сохранившиеся регулярные компоненты склонения слова *tiw* не соотносятся ни с одной из известных моделей склонения армянского языка. Ближе всего его парадигма находится к слову *tesil* «появление,

⁵ Жан Пухвел в статье „Hittite *sehur* and Congeners“ (в печати) предложил соответствие между хетт. *sehur* «моча» и клинописным лувийским *dur* с тем же значением. Арм. *sef* (<*sēr) «моча» возводилось к хеттскому *sehur*, но в свете этой новой параллели, в которой приводится форма клинописного лувийского, эта этимология оказывается несостоятельной. Нужно также отметить, что арм. *sef* слово очень неясного происхождения. Насколько нам известно, оно упомянуто только в словаре С. Малхасянца, и его источник в литературе неизвестен. По своему фонетическому облику это слово скорее среднеармянского происхождения, но без установленной литературной родословной трудно сказать нечто определенное.

⁶ Этот суффикс очень распространен в фамилиях, ср. Ачарян, Джаукян, Автадилян и др.

⁷ H. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, Leipzig, 1897, S. 498.

видение⁸ (род. п. *teslean*, тв. п. *tesleamb*, мн. ч. *tesilk'*) и *k'ar* „камень“ (род. п. *k'ari*, тв. п. *k'aramb*, но им. мн. ч. *k'arink'*)⁸.

Ясно, что форма род. п. *tuəpjean* нуждается в объяснении. Срединное сочетание *-pj-*⁹ является необычным, так же, как и конечное *-ean*¹⁰. Их нельзя объяснить ни одной из индоевропейских моделей. Имея в виду влияние иероглифического лувийского на словарь армянского языка, можно сравнить арм. *tiv* с иер. лув. **Tīwa(n)t* «бог-сын», (CL⁴*Tīwat* = ⁴UTU), которое склоняется по Хоккинсу¹¹ следующим образом: (DEUS) SOL-*wa/i-za-sa* (им. п.), SOL-*tī* (дат. п.) и SOL-*ta-tī* (предл. п.). После нового чтения TELL AHMAR II 5 A Хоккинс добавляет форму винительного падежа (DEUS) SOL-*wa/i-tī-i-pa* (чередующуюся), которая выявляет замену более ранней основы на согласную основой на *-i-*. Можно предположить несколько возможных фонетических вариантов этого корня, для которых Хоккинс предлагает *Tīwats* или *Tīwazas* или даже *Tīwanzas*¹². Учитывая рассматриваемое армянское слово, следует отдавать предпочтение форме *Tīwanzas* от основы *Tīwant-i-*.

Очевидно, что в форме им. п. армянского слова *tiv* нет никаких остатков влияния соответствующей формы иероглифического лувийского слова; однако совсем другое дело, когда рассматриваем форму род. п. ед. ч., в которой это влияние явно. Вопрос структуры род. п. в лувийском в течение некоторого времени оставался спорным, пока он не нашел своего решения со стороны Лароша¹³, который показал, что род. п. ед. ч. клинописного лувийского слова образовался путем добавления суффикса прилагательного *-ašši-*. Ларош приводит форму *malhaš š-zašši* (EN-a-) «хозяин ритуала», а точнее *tiyam-ašši* (⁴*Tīwat-*) «солнце земли». Таким образом, форма клинописного лувийского не является продолжением формы и. е. род. п. ед. ч. Вместо нее на основе вторичной формы прилагательного образовалась новая. В иероглифическом лувий-

⁸ Jensen, *Altarmenische Grammatik*, Heidelberg, 1959, S. 59—60.

⁹ Парадигматическое *-j-* без *-n-* встречается отдельно в слове *kno* род. п. от *kin* „жена“ и в слове *geŋj*, род. п. от *giwi* „деревня“. А. Мене в „*Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*“ (Vienna, 1936, p. 73) отмечает, что *-j-* происходит от локатива, который, в свою очередь, соотносится с греч. *-vδi-* как в слове *σραγυδi-*. Ни в одном случае этот элемент окончания не выступает в виде *-nj-*. Эти модели обсуждаются в работе: 2. *Ա ճ ա յ ա ն, Հիշկանար քերականութեան հայոց լեզվի... հ. 3, Երևան, 1957, էջ 421.*

¹⁰ Регулярно встречается только в формах род. п. существительных, оканчивающихся на *-iwn*. До сих пор не предложена ни одна версия, касающаяся дальнейшего развития этого суффикса.

¹¹ J. D. Hawkins, Anna Morgurgo-Davies, Günter Neuman и Hittite Hieroglyphs and Luwian: New Evidence for the Connection („*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*“, I, Philologisch-Historische Klasse, 1973, [1974], № 6, S. 143—197, особенно, с. 182).

¹² Носовой сонант в сочетании *-nS-* в иероглифическом лувийском не пишется; ср. иер. лув. *ata*, но клин. лув. *anda*, хетт. *anda*, лик. *p̄te* «в» и т. д.

¹³ „*Comparison du louvite et du lycien (suite)*“ („*Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*“, 1960, № 55, p. 155—185, особенно, с. 155—156).

ском также имеется подобная уникальная форма род. п. ед. ч. Мериджи¹⁴ приводит довольно полную парадигму ед. ч. собственного имени ^dKaḡluhas, в которой род. п. имеет форму вин. п. ^dKaḡluhasan,—парадигматическая особенность, не легко увязывающаяся с известной индоевропейской системой. Далее, мы знаем, что в иероглифическом лувийском часто вместо исконного -e- пишется -a-, фонема, которая в орфографии иероглифического лувийского, в том виде, в каком она дошла до нас, не существует. Поэтому можно предположить, что род. п. иероглифического лувийского фонетически реализовался как [-esan], форма, которая, после регулярного выпадения интервокального *-s- в протоармянском дает окончание род. п. -ean, имеющееся в армянском tuəp|ean.

Отрезок -n| армянского слова также легко прослеживается в сочетании -n|z- иероглифического лувийского, который появляется в предлагаемой форме род. п. иероглифического лувийского ^dTiwanp-i-: ^dTiwanpzasan, эта форма, вероятно, фонетически реализовалась как [tiwan|esan] или [tiwan|san]¹⁵.

Адъективное происхождение лувийского суффикса род. п. ед. ч. находит свою дальнейшую поддержку в своеобразии формы род. п. армянского слова tuəp|ean и вообще в формах род. п. В армянском можно было бы ожидать, чтобы производные формы образовались от основы им. п. Однако нет никаких производных от основы tiw, скорее, наоборот, все производные восходят к форме род. п.¹⁶ Зарегистрированные производные этого слова следующие: tuəp|ean «день», «служебник», tu|jeapan|n, tu|jenakan, tu|jen «дневной». Все эти слова встречаются в памятниках древнеармянской литературы¹⁷. У Малхасянца¹⁸

¹⁴ P. Meriggi, *Manuale di eteo geroglifico. Parte I: Grammatica*, Rome 1966, p. 27 («Incipit Graeca», vol. 13).

¹⁵ В армянском сочетании пС→согласный может нерегулярно чередоваться со звонким или глухим.

¹⁶ Образование производных от основы род. п. является довольно распространенным явлением; ср. агип «имя», род. п. апиан; апианагēт «человек, предсказывающий по имени»; асті «звезда», род. п. астеі: астеіабаšх «астроном» и т. д. Знаменательно, что производные от род. п. обычно бывают составными словами. Существует и другой любопытный факт: форма агамбі «замужняя женщина», кажется, образована от формы тв. п. существительного на -i ауг «мужчина, муж».

¹⁷ «Մ. Բարսեղ եպիսկոպոս Կեսարու կապաղովկացւոյ ճարք վասն վեցորեայ արարչութեան», Վեներիկ, 1890, էջ 20 («Есть асē, ерекоу, еw етew туəп|ean, ор mi"—Да будет ночь, да будет свет. День первый»); «Առաւել Միւթարայ Գործ», Վեներիկ, 1854, ատկ 123 («.Bu hrestak arak'eac'ar arclw, ew xndreac' zdustr nora harsn, aselov: Du tuəp|ean k'ajamartik es, ew es gišero; pašac'lmk i xnamut'w|wn"—Сова послала посланца к орлу и попросила руки его дочери: Ты дневное существо и храбрый воин, а я ночное; мы подойдем друг другу в браке»); «Փրկնի Երրայեցւոյ ճարք», հ. 3, Վեներիկ, 1892, էջ 201—219 («.Tup|jenakan pataragasp"—За дневные жертвы»); «Փառասոսի Բիւզանդացւոյ Պատմութիւն հայոց», ՄԳԲ, 1883, էջ 48 («.Ara haseal i tuəp|en žamul, ankanēin i veray t'agaworin Parsic"—Прибыв утром, они удивили короля персов»).

¹⁸ Ս. Մալխասյանց, Հայերենի բացատրական բառարան, հ. 1—4. Երևան, 1944—1945.

имеется форма *tunjean*¹⁹ с тем же значением, но источник его не указывается.

Не вдаваясь в вопрос происхождения рассматриваемого явления (образования производных от основы род. п.), нужно отметить этот частный случай образования прилагательных от основы род. п., а также его соответствие с гипотетической формой род. п. иероглифического лувийского слова ^dTiwat-l-, а именно, ^dTiwanzasan (= [tiwan]/česan)).

Механизм проникновения иер. лув. ^dTiwanzasan в армянскую парадигму, образованную от индоевропейского слова *diw-*, не ясен. Тем не менее, можно сказать, что между иер. лув. и протоармянским рефлексом и. е. *diw-* имеется очень большое фонетическое сходство. Рассматривая взаимоотношение этих двух слов, мы должны признать, что между ними произошла своего рода парадигматическая интерференция, точный характер которой трудно определить. Однако то, что обе парадигмы взаимодействовали друг с другом, кажется ясным из арм. *tunjean*, иер. лув. ^dTiwanzasan.

Возвращаясь к нашей первоначальной проблеме, мы должны сказать, что происхождение армянского суффикса *-iap*²⁰ можно найти в той же модели анатолийских языков. Армянское *-iap* является дальнейшим развитием *-ean*²¹, а *-ean* мы находим в таких именах, как *Ahamean* «сын Арама», *Vahamean* «сын Ваана»²². Ясно, что в большинстве армянских фамилий (Ачарян, Джаукян и др., которые по правилам классического правописания арм. языка писались *Acharean*, *Dzaukcan*) произошло соответствующее фонетическое изменение. Поэтому кажется возможным современный армянский суффикс существительного *-iap* возводить к иероглифическому лувийскому форманту род. п. *-asan* (*-csan*), бывшему некогда одновременно суффиксом род. п. и исчезающим суффиксом прилагательного.

¹⁹ Суффикс *-li* является довольно распространенным и обычно имеет значение «полный чего-либо» (*uğaxalı* «полный радости») от прилагательного *li* «полный», и. е. **pleE-*. Данное употребление *-(a) li* не может быть того же происхождения.

²⁰ Подробное изучение этого суффикса было недавно проведено Дж. Болонези („Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno“, Società Editrice Vita e Pensiero, Milan, 1960), который возобновляет (с. 62) старую точку зрения Бартоломе („Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten“, — „Sitz. d. Heidelberger Acad. Phil. Hist. Kl.“ п. 3, S. 14—15) о происхождении его от иранского *-ljan*. Наши соображения относительно отказа от этой точки зрения высказаны в статье — „The middle Persian Nominal Suffixes in Classical Armenian“ („Revue des études arméniennes“, vol. X, 1973—74 [1975], p. 1—10, особенно, с. 7, где приводится также библиография).

²¹ Случай исконного звукосочетания *eV-* в исторические времена были заменены сочетанием *iV-*. Обычно приводится пример звукоизменения слова *iwi-* «масло», которое ранее выглядело *ewi-*.

²² Встречаются разные употребления суффикса *-ean* и, конечно, они должны восходить к разным источникам; ср. *kovcan* «коровы» (*kov*—«корова») и *aĵakoĵmean* («правосторонний») (*aĵakoĵm*—«правая сторона»). Об этом суффиксе уже писалось: J. Gréppin, *Classical Armenian Nominal Suffixes*, Vienna, 1975, p. 73.